

СЕРГЕЙ СТЕПАНОВ

ПСИХОЛОГИЯ ДЕНЬ ЗА ДНЕМ

СОБЫТИЯ И УРОКИ

Сергей Сергеевич Степанов

Психология день за днем. События и уроки

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3216765

Психология день за днем. События и уроки: Авторское; 2012

Аннотация

В одном учебном пособии по психологии, весьма интересном и содержательном, автор, профессор Тульского университета, посетовала: поскольку пособие составлено на основе официально утвержденной программы курса психологии для вузов, в нем, помимо таких ярких тем, как развитие личности или, скажем, психологическое консультирование, волей-неволей пришлось отразить и такие разделы, которые вызывают у студентов мало интереса, – в частности, историю психологии. Тем самым истории психологии был поставлен удручающий «диагноз»: современными студентами, которые получают психологическое образование, этот предмет расценивается как неинтересный, скучный, обременительный, практически бесполезный.

Данная книга написана для того, чтобы опровергнуть это необоснованное предубеждение.

К такой смелости автора побуждает глубокая и искренняя заинтересованность в истории психологии, которую за несколько

последних лет проявили сотни студентов столичных и провинциальных вузов, где был многократно прочитан курс лекций «живой истории психологии».

Содержание

Предисловие	5
Январь	9
Гуманистическая психология: история и предыстория	9
Телевизор – наставник или зеркало?	17
У истоков науки	21
Февраль	26
“Педологические извращения” в Калифорнии	26
Первый отступник среди фрейдистов	29
Издержки перевоспитания	32
Вызов Дженсена	36
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сергей Степанов

Психология день за днем. События и уроки

Предисловие

В одном учебном пособии по психологии, весьма интересном и содержательном, автор, профессор Тульского университета, посетовала: поскольку пособие составлено на основе официально утвержденной программы курса психологии для вузов, в нем, помимо таких ярких тем, как развитие личности или, скажем, психологическое консультирование, волей-неволей пришлось отразить и такие разделы, которые вызывают у студентов мало интереса, – в частности, историю психологии. Тем самым истории психологии был поставлен удручающий «диагноз»: современными студентами, которые получают психологическое образование, этот предмет расценивается как неинтересный, скучный, обременительный, практически бесполезный.

Данная книга написана для того, чтобы опровергнуть это необоснованное предубеждение.

К такой смелости автора побуждает глубокая и искренняя заинтересованность в истории психологии, которую за

несколько последних лет проявили сотни студентов столичных и провинциальных вузов, где был многократно прочитан курс лекций «живой истории психологии».

Отсутствие интереса к данному предмету можно, казалось бы, объяснить логично и бесхитростно. Что и сделал в частной беседе один титулованный психолог в ответ на сетования, что среди специалистов нового поколения многие даже не слышали, скажем, имени Вильгельма Вундта и не знают, как им использовался тахистоскоп. В ответ на это «живой классик» воскликнул: «А зачем, скажите на милость, современному психологу-практику тахистоскоп Вундта?»

Возразить на это довольно просто. Тахистоскопическое предъявление стимульного материала – исследовательский прием, который в модифицированном виде используется и поныне. И специалисту, желающему по праву называться таковым, отнюдь не бесполезно знать те феномены, которые выявляются этим методом. То есть усвоить необходимо не просто исторические факты, а широкую палитру научного знания, сложившуюся в истории развития психологической мысли. А иначе чем изволите практически пользоваться? Шаблонным набором инструментальных приемов? Такую психологию наш великий соотечественник Л.С.Выготский называл «фельдшерской», противопоставляя ее по аналогии с медициной подлинно научной психологии, которая только и может быть по-настоящему практична.

При всем уважении к авторам ныне существующих книг

по истории психологии, приходится признать, что они сами отчасти спровоцировали снижение интереса к данному предмету. Серьезные, глубокие и обстоятельные учебники, изданные к настоящему времени, все посвящены, во-первых, истории преимущественно **теоретической** психологии, во-вторых – **общей** психологии (в ущерб другим важным и интересным отраслям), в-третьих – в них мало отражена связь идей и достижений прошлых лет с актуальной проблематикой и задачами современной практической психологии.

Естественно, психологу XXI века, ориентированному на решение насущных задач, могут показаться мало интересными «дела давно минувших дней». Но, как мудро заметил Генри Форд: «Прошлое полезно в том отношении, что указывает нам пути и средства к развитию». Эрудированному психологу легко заметить, что «труды» иных современных коллег – не более чем парафраз вчерашних и позавчерашних идей (иной раз – бесповоротно дискредитированных).

«Психология день за днем» – это своеобразный календарь психологической науки, палитра событий и историй, представленных в календарном порядке – месяц за месяцем. Разумеется, автор не претендует на полный охват всех событий мировой психологии – здесь собраны лишь некоторые, наиболее, по мнению автора, яркие и поучительные.

Эта книга написана для тех психологов, кто намерен по пути своего профессионального роста двинуться дальше, опе-

ревшись на опыт предшественников. Хочется надеяться, что книга будет полезна и всем тем, кого интересует психологическая наука и кто готов воспользоваться ее уроками.

Январь

Гуманистическая психология: история и предыстория

На заре XX века один из пионеров экспериментальной психологии Герман Эббингауз писал: “Психология имеет очень короткую историю, но длинную предысторию”. По прошествии века эти слова можно повторить с не меньшим основанием – что такое сто с небольшим лет в истории науки? В равной мере это высказывание справедливо и в отношении всех крупных школ и направлений психологической мысли – их расцвет пришелся на XX век, а предыстория тянется в глубокой древности. Так, один из столпов гуманистической психологии Карл Роджерс в своих трудах неоднократно цитирует древнекитайского мыслителя Лао Цзы:

Если я воздержусь от того, чтобы вмешиваться в дела людей,

они сами о себе позаботятся.

Если я не буду командовать людьми,

они будут действовать самостоятельно.

Если я воздержусь от проповедования, люди сами себя исправят.

Если я не буду навязчивым, люди станут самими собой.

Эти слова можно понимать в том смысле, что человеку изначально присущи позитивные устремления, и если им не препятствовать (а тем более – если их поощрять), то человек способен сам решать встающие перед ним проблемы, вести себя добродетельно и достойно без всякого принуждения. Похожие идеи, в частности, можно найти и у Руссо, который был убежден: человек, если дать ему возможность раскрыть врожденный потенциал, будет развиваться оптимально и эффективно, поскольку доброта изначально свойственна его природе.

Эта идея красной нитью проходит сквозь всю теорию личности Роджерса и его концепцию психотерапии, которые были впервые подробно представлены в его работе “Клиент-центрированная терапия: ее современная практика, значение и теория”. Эта книга увидела свет ровно полвека назад – **2 января 1951 г.** и ознаменовала революционный переворот в теории и практике терапии и консультирования.

Идеи, сформулированные в книге, Роджерс начал разрабатывать значительно раньше и впервые представил некоторые из них на суд научной общественности еще в 1940 г. в своем докладе “Некоторые новейшие концепции в психотерапии”, сделанном в университете штата Миннесота, а три года спустя – в книге “Консультирование и психотерапия” (прошло чуть более полувека, и это “последнее сло-

во научной мысли” стало доступно и русскоязычному читателю). Суть выдвинутого Роджерсом подхода заключается в том, что каждый человек имеет внутри себя “большие резервы самопонимания, изменения Я-концепции, точек зрения и поведения, и эти ресурсы выявляются только тогда, когда создается соответствующий климат...” Проще говоря, в самом человеке заложено все необходимое для его полноценного существования, надо только помочь высвободиться этому позитивному потенциалу.

Такой подход может быть расценен как наивный идеализм, тем более что действительность на каждом шагу, казалось бы, ему противоречит. Глядя на окружающих, постоянно приходится задаваться вопросом: “Где же он, этот самый позитивный потенциал? Если он и есть, то как же глубоко он запрятан!” В оптимизм Роджерса очень хочется верить, однако помимо деклараций, кажущихся голословными, хотелось бы все-таки иметь и какое-то научное обоснование такого подхода. Существует ли оно?

В качестве аргумента в пользу своих теорий психологи-гуманисты приводят результаты одного исследования, проводившегося в США во второй половине 20-х гг. Оно было осуществлено Кларой Дэвис – психологом, весьма далеким от гуманистической ориентации и скорее принадлежавшим к поведенческому направлению, так что ее работы следует отнести не столько к истории, сколько к предыстории гуманистической психологии. Начало эксперименту было поло-

жено **27 января** 1926 г., когда в распоряжение Дэвис поступил первый испытуемый – годовалый ребенок, впоследствии фигурирующий в научных отчетах как Эрл Эйч. Опыт был предельно прост. Ребенка наблюдали в естественных условиях его существования, модифицировав лишь одно из них: его не кормили, то есть не давали ему какую-то определенную пищу (которую обычно выбирает для ребенка взрослый). Разумеется, малыша не морили голодом, напротив – есть он мог сколько угодно. Более того, еду он мог выбирать себе сам из великого многообразия предложенных продуктов.

Как, по вашему мнению, повел бы себя ребенок в такой ситуации? Житейский здравый смысл подсказывает единственный возможный ответ: малыш скорее всего предпочтет “вкусненькое”, примется безудержно баловать себя сладостями, и т. п. В душе иных родителей уже, наверное, пробудился праведный гнев: “Мыслимо ли такое издевательство над ребенком?! Ведь так недолго и подорвать его здоровье, потому что рацион, беспорядочно выбранный неразумным младенцем, может принести ему только вред!”

Хочется успокоить взрослых, как это сегодня делается в голливудских титрах: “В ходе эксперимента ни один ребенок не пострадал”. (Важно лишний раз подчеркнуть: ученые – не политики, рискованные эксперименты они сначала проводят на животных; так и тут, самыми первыми испытуемыми в подобных опытах выступили крысы).

В данном случае, как это нередко бывает, здравосмысленное решение оказалось продиктовано банальным предрассудком. На самом деле, и Эрл Эйч, и все прочие дети-испытуемые повели себя по-настоящему мудро: после нескольких проб они остановили свой выбор на тех продуктах, которые в сумме составили оптимально сбалансированный рацион.

Недоверие к вероятности такого варианта продиктовано нашими собственными, взрослыми установками. Попробуйте сами представить себя перед скатертью-самобранкой, с которой вы вольны угощаться чем угодно. Положа руку на сердце, приходится признать, что взрослый в этой ситуации вряд ли выберет несоленую гречневую кашу, сырую редьку и ржаной хлеб, которые обеспечивают оптимальное и безвредное удовлетворение основных потребностей организма в питательных веществах. Скорее всего, предпочтение будет отдано крабам под майонезом, пряным копченостям и ананасам в шампанском, со всеми их неблагоприятными последствиями для пищеварения, фигуры и т. д. Чем это объяснить? Слишком много факторов – преимущественно социальных – влияет на наш выбор! Мы прочно усвоили, что удовлетворять голод черной икрой лучше, чем черным хлебом, и если предоставляется такая возможность, спешим ею воспользоваться. А потом, когда от талии остались одни воспоминания, а недуги, напротив, стали печальной реальностью, “беремся за ум” и начинаем морить себя голодом (что тоже вряд ли разумно). А оказывается, пример с самого начала

надо было брать с “несмышлennyшей”, которые еще не успели набраться наших предрассудков. И тем более не надо им эти предрассудки приписывать. Ибо человек сам изначально знает, что ему необходимо, что для него лучше, и лишь последующие социальные наслоения замутняют это подлинное здравомыслие и добродетель.

Однако этот впечатляющий опыт, вернее – навеваемые им размышления, можно расценить как далеко не однозначный аргумент в пользу гуманистической теории. Во-первых, выбор между полезным и вредным для желудка и для души вряд ли осуществляется по одному и тому же принципу. Как уже было сказано, даже крыса способна выбрать оптимальный вариант насыщения своего организма питательными веществами. Но поставьте ее в условия дефицита этих веществ, да еще и в условия конкуренции с себе подобными. Как она себя поведет? Попытается насытиться любой ценой, вырвет вожаденный кусок у другой крысы, а коли та станет сопротивляться, так и загрызет ее ради собственного выживания. И тут неуместны никакие моральные оценки, потому что природе чужда какая бы то ни было мораль. Человек тем и отличается от братьев своих меньших, что перед ним стоит экзистенциальная дилемма добра и зла, и выбор в пользу добра вряд ли можно вывести из его органической природы. Предоставленный сам себе, он, наверное, сумеет удовлетворить свои нужды. Но сумеет ли он проделать то же самое во взаимодействии с себе подобными, причем проделать это с

соблюдением вековых нравственных норм и моральных заповедей? Как ни хочется поверить в то, что они заложены в его природе, верится в это с трудом. Добродетель вряд ли вырастает изнутри, скорее она должна быть усвоена, а для этого сначала преподана. Дитя не знает никаких регуляторов поведения, кроме собственных нужд, и только воспитание, причем зачастую откровенно директивное (“Нельзя!”), позволяет ему стать человеком в подлинном смысле этого слова. В конце концов, мораль – категория сугубо социальная, она присуща человеку как общественному существу, а как существу биологическому она ему абсолютно чужда, как и крысе.

Конечно, очень хочется верить, что ростки доброго и светлого произрастают в каждой душе. Вот только на каждом шагу приходится наблюдать, как они чахнут и гибнут под тяжелыми наслоениями грязи. И очень часто, прежде чем высвободить и полить слабые ростки, необходимо сначала разгрести, расчистить и продезинфицировать огромную духовную помойку. А иногда приходится с огорчением признать, что слабые ростки задавлены безнадежно, и грязь составляет основное и единственное содержание данного духовного пространства. Террорист, пытающий невинную жертву; самодовольный нувориш, сбивший своим джипом ребенка и скрывшийся с места преступления; беспринципный генерал, продающий врагам снаряды, которыми будут разорваны его солдаты... – все они представляют собою то, что они тво-

рят, а не то, что якобы заложено в них мудрой природой. И отношения заслуживают соответствующего. И когда сталкиваешься с явным идиотом, нравственным дегенератом и подонком, как-то не удастся вспомнить об эмпатии, безусловном принятии и конгруэнтности. Простите, мистер Роджерс! Хотя теория у Вас замечательная.

Телевизор – наставник или зеркало?

В публицистике стали уже штампом сетования на то тлетворное влияние, которое современное телевидение оказывает на подрастающее поколение. В качестве аргумента принято ссылаться на результаты научных исследований. Как правило, эти ссылки звучат так: “Психологи установили, что просмотр телепередач со сценами насилия резко повышает агрессивность детей и подростков”. Ну а раз психологи установили, значит так оно и есть и сомнению не подлежит. Правда, для специалиста небесполезно разобраться, что же это за психологи и каковы настоящие результаты их наблюдений, на которые так безапелляционно ссылаются журналисты и общественные деятели.

Одно из первых исследований такого рода, взбудоражившее общественное мнение, было проведено в начале шестидесятых Альбертом Бандурой и сразу выдвинуло его в разряд психологических “звезд”. **22 января 1963 г.** *Journal of Abnormal Psychology* опубликовал его статью “Имитация моделей агрессивного поведения” с описанием довольно несложного эксперимента. Двум группам детей предлагалось поиграть с незамысловатой надувной куклой по прозвищу Бобо. Предварительно им демонстрировался кинофильм. Специфика опыта состояла в том, что контрольная группа смотрела фильм нейтрального содержания, а экс-

периментальная – фильм, насыщенный сценами насилия. Нетрудно догадаться, каково пришлось бедной Бобо в экспериментальной группе.

В русле своей теории социального научения Бандура из полученных результатов сделал печальный вывод: демонстрация насилия на экране формирует у детей приемы деструктивного поведения. Следующий вывод напрашивался сам собой: ради блага детей необходимо ввести контроль за содержанием телепередач, дабы свести на нет провокационное воздействие агрессивных сюжетов.

Справедливости ради надо отметить, что далеко не все психологи приняли выводы Бандуры. По поводу полученных им результатов возникло еще несколько гипотез, которые дискутируются по сей день. Было высказано сомнение в том, насколько корректно обобщать данные этого конкретного опыта. Вспышка агрессивности, последовавшая за просмотром соответствующего сюжета, может быть расценена как ситуативная эмоциональная реакция, а не как свидетельство закрепления негативных поведенческих стереотипов. Киносюжет можно расценить не как модель для усвоения, а как провокацию, своего рода катализатор. Согласно этой гипотезе, жестокие сцены служат стимулом для появления импульсов агрессивности у определенного рода людей, у которых такие сцены как бы отключают внутренние тормоза (по принципу катализатора, присутствие которого способно ускорять химическую реакцию). Соответственно природа

агрессивности требует более глубоких исследований, и сведение ее к усвоению навыков было бы неоправданным упрощением.

В разнообразных модификациях исследования, подобные экспериментам Бандуры, были многократно повторены на протяжении последних десятилетий. Некоторые ученые считают, что их результаты вполне подтверждают гипотезу о социальном научении. Иные возражают: достоверно установленным можно считать лишь наличие корреляции, что вовсе не однозначно свидетельствует о причинно-следственной зависимости.

В ряде исследований (например, в опытах Каплана и Сингера, 1976) была выдвинута и, казалось бы, подтверждена противоположная гипотеза: демонстрация ребенку сцен насилия вызывает у него уменьшение агрессивности. При виде таких сцен происходит ослабление агрессивной напряженности – своего рода катарсис. Правда, такой подход подвергается массивной критике. Э. Аронсон в своей известной книге “Общественное животное” указывает: отмеченные таким образом изменения в поведении свидетельствуют только о формировании более спокойного и терпимого отношения к насилию, что само по себе вряд ли можно считать ценным личностным приобретением.

Так или иначе, на качестве телепрограмм за последнюю четверть века эта дискуссия заметно не сказалась. Типичную позицию высказал Джо Уизан, продюсер кровавых боевиков:

“Воздействие на общество? Я и не задумываюсь об этом. У психологов нет ответов, почему же их должен иметь я?”

Разумеется, такая позиция достойна осуждения. Здравый смысл подсказывает, что жестокость на экране, если и не влияет непосредственно на формирование личности, то и ни к чему хорошему привести не может. Многие педагоги согласятся: стычки школьников, еще несколько лет назад напоминавшие безобидную возню, сегодня часто бывают похожи на поединок кикбоксеров и порой заканчиваются увечьями (ведь это только в кино после удара ногой в живот можно вскочить как ни в чем не бывало). Нет сомнений, что соответствующие приемы ребята заимствуют у кинокумиров. Однако было бы слишком просто свалить всю вину на “безнравственное” TV.

Ведь телевидение не столько формирует общественные настроения, сколько им потакает. Телемагнаты, опираясь на рейтинг той или иной программы, стремятся показывать то, что пользуется наибольшим успехом и привлекает самую массовую аудиторию. При этом остается без ответа важный вопрос: отчего же стрельбы, мордобой и пытки так милы зрительскому взору? Тот, кто сумеет на него убедительно ответить, вероятно затмит славу Бандуры.

У истоков науки

В наши дни цитатой из классики считается вольная ссылка на какого-нибудь калифорнийского массовика-затейника, чья недолгая слава расцвела в “бурные шестидесятые”, тихо увяла вместе с поколением “детей-цветов” и лишь к концу века запоздало докатилась до наших берегов. Кое-кто готов заглянуть поглубже и считает классикой грезы знаменитого венского невротика начала века. Психологи былых времен (не столь уж давних) классику понимали шире. Они искали источник вдохновения в суждениях мыслителей всех времен и народов и на этом основании строили свои научные изыскания. Например, Выготский неоднократно ссылается на такое суждение. “Голая рука и предоставленный самому себе разум не имеют большой силы. Дело совершается орудиями и вспоможениями, которые нужны не меньше разуму, чем руке. И как орудия руки дают или направляют движение, так и умственные орудия дают разуму указания или предостерегают его”. Фактически на этом постулате и зиждется теория формирования высших психических функций, созданная Выготским. А ведь эти слова были произнесены четыре столетия назад! И принадлежат они Фрэнсису Бэкону, которого многие считают основоположником современной экспериментальной науки. Английского философа и политика Ф.Бэкона можно по праву назвать и психологом, ибо в раз-

витие нашей науки он внес куда более весомый вклад, чем любой эзалаенский импровизатор.

Бэкон родился **22 января** 1561 г. Свою политическую карьеру он начал при королеве Елизавете. В течение многих лет он был членом парламента, в качестве представителя королевы ему пришлось выступить обвинителем против своего покровителя графа Эссекса. По поручению королевы он написал памфлет, обосновывающий процесс над графом. Биографы и исследователи творчества Бэкона более всего ставят ему в вину это предательство, совершенное им по отношению к его единственному другу и покровителю, считая это более тяжким проступком, чем последующие, за которые он был осужден. Недаром имя Бэкона часто в истории науки приводится как пример несовпадения таланта и нравственности.

В 1617 г., при короле Якове I, Бэкон стал хранителем государственной печати, а в 1618 г. – лордом-канцлером и бароном. Такое высокое положение обеспечивало Бэкону огромное влияние, которым он пользовался далеко не бескорыстно, за что и поплатился. В 1621 г. он был уличен в мздоимстве (слишком уж походили на подкуп принимаемые им подарки), лишен всех должностей и заключен в тюрьму. После освобождения Бэкон уехал во Францию и жил в уединении, занимаясь наукой.

В своих книгах “Опыты” (1597) и “Новый Органон” (1620) Бэкон выступал апологетом опытного, экспери-

ментального знания, служащего покорению природы и усовершенствованию человека. Только такое знание, доказывал он, достойно называться наукой. Разрабатывая классификацию наук, Бэкон исходил из положения о том, что религия и наука образуют самостоятельные области, их смешение чревато возникновением религиозной ереси и фантастической философии. Такой деистический подход проявился и в его трактовке души. Выделяя боговдохновенную и телесную души, он наделил их разными свойствами (ощущение и движение у телесной души, мышление и воля – у боговдохновенной), считая, что идеальная, боговдохновенная душа является объектом богословия, в то время как объектом науки должны выступать свойства телесной души и проблемы, вытекающие из их исследования. Такой подход открывал возможность объективного изучения содержания души.

В противовес объяснительным приемам схоластики Бэкон утверждал, что нет другого пути превращения знания в реальную силу, кроме мыслительной переработки того, что составляет опыт. Доказывая, что основа всех знаний заключается в опыте человека, он в то же время предостерегал от поспешных выводов, которые могут быть сделаны на основе чувственного восприятия. Наши ощущения несовершенны и нередко приводят к заблуждениям, затемняющим истину. Поэтому важно не просто опытное, но экспериментальное знание, так как приборы могут уточнить ощущения и исправить субъективные ошибки.

Ошибки познания, связанные с психической организацией человека, Бэкон называл идолами, которых выделял четыре основных вида. Идолы рода – это недостатки, вытекающие из строения органов чувств (например, в силу своей природной организации человек не способен увидеть ультрафиолетовые лучи). Идолы пещеры – недостатки, вытекающие из того, что человеку трудно встать на чужую точку зрения (современные исследователи отнесли бы их к эгоцентризму). Идолы театра – заблуждения, вытекающие из преклонения перед авторитетами, часто ложными, и стремления доверять им больше, чем собственному суждению. Идолы рынка – недостатки, связанные с тем, что слова не всегда точно передают мысли, часто искажая, а не проясняя их смысл.

Если для получения достоверных данных, базирующихся на чувственном опыте, необходимо проверять данные ощущений экспериментом и измерениями, то для подтверждения и проверки умозаключений необходимо использовать разработанный Бэконом метод индукции. Правильная индукция, тщательное обобщение и сопоставление подтверждающих вывод фактов с тем, что опровергает их, дает возможность избежать ошибок, свойственных разуму. Вера Бэкона во всемогущество нового метода была так сильна, что наука, казалось ему, может обходиться впредь почти совершенно без особых дарований. Он сравнивал свой метод с циркулем и линейкой, с помощью которых и неис-

кусный чертежник может проводить круги и прямые линии лучше, чем это удастся искусному без этих вспомогательных средств. Исходя из этого, Бэкон считал, что правильное обучение, а не способности является основой успешной деятельности.

Разрабатывая новую методологию научного исследования, Бэкон был убежден, что она строится на познании причин вещей, то есть является детерминистической. Таким образом, его концепция стала основой новых подходов к построению научного знания, в том числе и знания о душе. А знание, говоря его же словами, – это сила.

Февраль

“Педологические извращения” в Калифорнии

Памятное постановление ЦК ВКП(б) “О педологических извращениях в системе Наркомпросов” (1936) многими справедливо расценивается как мрачная страница в истории отечественной науки. Суровый партийный вердикт поставил крест на целой научно-практической отрасли, на долгие годы затормозил исследования в области возрастной психологии и психодиагностики. Слово “тест” враз сделалось почти ругательным, и контуженные страхом советские психологи более полувека не решались подступиться к измерению умственных способностей. Потом, когда постановление фактически утратило силу и страх немного ослаб, они принялись с удвоенным рвением наверстывать упущенное. Правда, оказалось, что в отсутствие собственных разработок приходится в основном ориентироваться на зарубежный опыт. При этом, как нередко бывает, возникла иллюзия, будто этот опыт – всецело положительный, едва ли не безупречный. Однако внимательное изучение проблемы заставляет сделать вывод: заимствуя заморские достижения, нельзя сбрасывать

со счетов и их издержки, тем более что последние отмечены не только ангажированными критиками “буржуазной науки”, но и самими западными психологами.

Сегодня, по зрелому размышлению, приходится признать, что драконовское постановление ЦК ВКП(б) было отчасти спровоцировано самими педологами: некритичное заимствование зарубежных диагностических методик, их широкое внедрение в практику школьной педологической службы действительно приводило к серьезным злоупотреблениям. Недостаточно квалифицированные специалисты слишком увлеклись “сортировкой” учащихся на основании поспешных и поверхностных заключений (вам это ничего не напоминает?). За рубежом никогда не принимались партийные постановления по поводу конкретных аспектов научно-практической деятельности психологов, на протяжении десятилетий тестирование велось активно и масштабно. Однако выводы, к которым постепенно привел этот опыт самих западных психологов, парадоксальным образом напоминают вердикт ЦК ВКП(б).

5 февраля 1975 г. Совет по образованию штата Калифорния принял решение, которым вводился официальный запрет на использование тестов интеллекта в целях направления учащихся в учреждения для умственно отсталых. Этому событию предшествовали два громких судебных процесса, на которых практика тестирования была признана дискриминационной. Родители школьников, выступавшие ист-

цами, стремились доказать, что их дети были признаны неполноценными на основании некорректной диагностической процедуры. Приглашенные эксперты аргументировали эту позицию, указав, что использованных тестов совершенно недостаточно для постановки столь категоричного диагноза, который фактически ломает человеческую судьбу. Особый накал процессам придавал тот факт, что на одном из них истцами выступали чернокожие, на другом – пуэрториканцы. Снова, уже в который раз, прозвучал тезис о том, что рабочий психодиагностический инструмент, каким фактически является тест интеллекта, в руках недостаточно квалифицированного, а тем более предвзятого специалиста может послужить орудием расовой дискриминации. Оба раза суд признал иск обоснованным, что побудило калифорнийских психологов серьезно пересмотреть свои позиции. Результатом и явилось официальное постановление, значительно ограничившее пределы использования тестов в школьной практике.

Наше нынешнее положение характерно тем, что из жестких рамок тоталитаризма мы уже выросли, а до уровня правового государства, честно говоря, еще не доросли. Сегодня никакой ЦК и никакой суд нам не укажут на наши промахи. Тем более следует позаботиться о том, чтобы не давать для этого повода!

Первый отступник среди фрейдистов

8 февраля – мрачная дата в истории психоанализа. Впрочем, на эту дату можно взглянуть и с другой стороны – как на “день рождения” новой психологической школы. Именно в этот день, в 1911 году, на заседании Венского психоаналитического общества были подвергнуты уничтожающей критике взгляды президента этого общества Альфреда Адлера. В результате в дотеле монолитном здании психоанализа наметилась первая глубокая трещина. Уязвленный Адлер сложил с себя обязанности президента и покинул стан психоаналитиков, уведя с собою несколько верных последователей. В письме Юнгу Фрейд с удовлетворением отметил, что избавился от “банды Адлера”. Тут фактически сработал один из механизмов защиты: на самом деле утрата была весьма болезненной. Адлером Фрейд очень дорожил и долгое время старался сгладить возникавшие между ними противоречия. Однако в конце концов эти противоречия обострились настолько, что ради чистоты учения пришлось пойти на разрыв. Это было первое серьезное потрясение в стане фрейдистов, с которого началась череда конфликтов и междуусобиц, фактически и составляющая основную канву истории психоанализа.

По сути дела, правоверным фрейдистом Адлер никогда и не был, навязчивая фиксация Фрейда на сексуальных про-

блемах всегда ему претила. Как любой здравомыслящий человек, Адлер был готов признать правоту Фрейда в объяснении некоторых форм неврозов, но с возведением фрейдистской теории в ранг универсальной доктрины он не соглашался. Собственные изыскания и личный опыт подсказывали Адлеру, что кроме половых отправлений человека еще кое-что заботит. Правда, далеко не всегда человек отдает себе отчет в глубинных мотивах своего поведения. Фрейд был первым, кто решился заявить об этом во всеуслышание, и в этом Адлер поспешил с ним солидаризироваться. В ту пору, когда ни у кого из коллег не находилось в адрес Фрейда доброго слова, Адлер выступил с газетной статьей, в которой весьма положительно оценил некоторые идеи основателя психоанализа. Фрейд был польщен и тронут. Он пригласил Адлера присоединиться к участникам психоаналитических сред, а когда это движение официально оформилось, рекомендовал Адлера на должность президента психоаналитического общества. Однако на заседаниях общества Адлер постоянно призывал не замыкаться на гениталиях, а взглянуть на душевный мир человека шире. Еще в 1907 г. в своей работе “О неполноценности органов” он сформулировал основы собственного учения о бессознательной мотивации и ее роли в становлении личности. Инакомыслие Адлера все более раздражало Фрейда, надежд на перспективное сотрудничество оставалось все меньше. 8 февраля 1911 года их не осталось вовсе.

Для истории психологии этот день, пожалуй, светлый. Подумаешь, не стало одним догматиком больше! Зато окончательно утвердилась новая концепция, не менее интересная, чем фрейдовская. Адлер не “вырос из Фрейда”, просто на некоторое время оказался к нему приближен. И то, что он не погряз в либидозном болоте – скорее его заслуга.

Издержки перевоспитания

Герой одного научно-фантастического романа горько сетовал: «Почему из любого изобретения ученых рано или поздно получается оружие?» Если в этих словах и содержится преувеличение, то небольшое. Причем касается это суждение не только физиков, химиков или биологов, но и психологов, чьи разработки иной раз оборачиваются если не оружием, то орудием пытки. Это и произошло с бихевиористским принципом подкрепления, который нашел свое воплощение в практике «модификации поведения». На протяжении ряда лет разработки бихевиористов активно использовались в пенитенциарной системе США, вызвав в итоге дискуссию, далеко выходящую за рамки научной проблематики. Кончилось тем, что **14 февраля 1974 года** было принято официальное решение о запрете использования этих методов в исправительных заведениях. А за бихевиористами в глазах многих закрепилась репутация не просто мучителей собак, но чуть ли не заплечных дел мастеров. И, надо сказать, основания для этого имелись.

«Ничто не вызывает такого ужаса у заключенных, как так называемая программа модификации поведения, и это неудивительно, – писал обозреватель «Нью-Йорк Таймс» Том Уикер. – Модификация поведения – очень широкий термин, который может означать все что угодно – от ней-

рохирургии до психической обусловленности, описанной в книге «Механический апельсин». Он обычно включает экспериментирование с лекарственными препаратами, и почти во всех случаях его цель заключается в том, чтобы получить послушных заключенных, а не исправившихся честных граждан».

Сильнодействующие лекарственные препараты, вызывающие отвращение, систематически применялись тюремными психологами и властями в программах модификации поведения по принципу связи плохого, «неприемлемого» поведения с болью и рвотой. В программах модификации поведения в тюрьмах штата Айова заключенным, нарушавшим тюремные правила, без их согласия вводили препарат апоморфин. Спустя 15 минут у них начиналась неукротимая рвота, которая продолжалась до часу. Одновременно возникали временные сердечно-сосудистые нарушения, в том числе изменения кровяного давления и нарушения сердечной деятельности.

Рассмотрев ходатайство, с которым обратились заключенные, апелляционный суд США квалифицировал такое «перевоспитание» как разновидность пытки, противоречащую восьмой поправке к американской конституции.

В тюрьме г. Спрингфилд в штате Миссури по отношению к недисциплинированным заключенным применялась сенсорная депривация: их помещали в одиночную камеру круглой формы, где несчастный постепенно терял ориентацию

во времени и пространстве. В таких условиях нарушителя могли содержать несколько месяцев или даже лет, что приводило к серьезным психическим расстройствам (этот «побочный эффект» организаторов программы не смущал). Если же заключенный вел себя согласно определенным правилам, то его постепенно переводили на более высокий уровень психологического комфорта. Спасибо, что хоть током не были, как подопытную собаку. Впрочем, и такое было, но не в Миссури, а в Коннектикуте. Там модификация поведения осуществлялась в стопроцентном соответствии с программой бихевиористских экспериментов: заключенных подвергали ударам тока, когда они просматривали слайды, демонстрирующие образцы асоциального поведения.

В Вейкавилле, штат Калифорния, непослушному заключенному вводили препарат анектин, вызывавший у него остановку дыхания на две минуты, в течение которых психотерапевт беседовал с ним о его преступлениях.

Союз заключенных Мэрионской федеральной тюрьмы сумел обнародовать доклад, в котором следующим образом описаны приемы «воспитательной психотерапии»: «Во время таких сеансов постепенно увеличивается степень психологического воздействия. На заключенного кричат, играют на его страхах, высмеивают его слабости и прилагают массу усилий, чтобы заставить его почувствовать себя виновным в реальных или воображаемых поступках... Принимаются всевозможные меры, чтобы усилить его внушаемость, с тем

чтобы как можно больше подвести под контроль персонала тюрьмы его эмоциональные реакции и мысли».

Да, психология – великая сила. С помощью подкрепления можно не только крысу научить выбирать правильный путь в лабиринте, но и человека – вести себя в соответствии с приличиями. Вот только гуманно ли пользоваться для этого средствами средневековых инквизиторов? Тем более что истязаниями почти любого можно запугать, но практически никого – по-настоящему перевоспитать.

Буквально на следующий день после официального запрета программ модификации поведения Американской психологической ассоциацией была создана специальная комиссия для анализа издержек внедрения в практику принципов подкрепления. Были проведены специальные исследования, доказавшие не только негуманность, но и бесполезность такой практики. Также удалось доказать, что гораздо более эффективно поощрение позитивного поведения. А негативное подкрепление – штука опасная. Слишком уж зыбка тут грань между воспитателем и палачом.

Вызов Дженсена

Редкая научная публикация способна вызвать острейшие политические дебаты. Американскому психологу Артуру Дженсену это однажды удалось. В конце шестидесятых его имя не сходило с газетных полос, а в 1970 г. журнал *Life* процитировал сенатора Дэниела Мойнихена, утверждавшего: “Ветры Дженсена бушуют над Капитолием”. Кто же такой этот Дженсен и как ему удалось поднять такую бурю?

21 февраля 1969 г. престижный журнал *Harvard Educational Review* опубликовал на 123 страницах в качестве главного материала номера статью Артура Дженсена, профессора педагогической психологии и психолога-исследователя Калифорнийского университета. Статья называлась “Насколько мы можем повысить *IQ* и школьную успеваемость?”. В этой длинной, изобилующей статистическими выкладками и техническими подробностями статье Дженсен дал простой ответ на этот вопрос. По его мнению, любые педагогические усилия, направленные на повышение уровня умственных способностей и академической успеваемости, крайне малоэффективны. Причина этого виделась автору в том, что интеллект генетически предопределен и не подвержен значительным изменениям в течение жизни. Более того, среди разных рас и социальных групп интеллект распределен в неравной степени. Проще говоря, одни классы и

народы в целом глупее других, и любые попытки изменить эту генетическую закономерность практически бесполезны. С нею просто необходимо считаться, соответственно планируя социальную политику.

Дженсен начинает свою статью драматическим утверждением, что компенсаторное обучение потерпело крах. Компенсаторное обучение получало широкую финансовую поддержку с начала 60-х годов. Оно рассматривалось как одно из средств, “компенсирующих” жизнь в нищете, слабое здоровье, скудное питание, скученность, то есть все то, с чем сталкиваются и от чего страдают миллионы детей из малообеспеченных семей, принадлежащих преимущественно к национальным меньшинствам, в первую очередь – чернокожим. Финансировалось проведение программы “Хэд Старт” и других программ дошкольной подготовки десятков тысяч детей в течение восьми летних недель. Кроме того, круглый год действовали другие широкомасштабные программы, предполагавшие, что дети из малообеспеченных семей нуждаются в дополнительном обучении для того, чтобы подготовиться к регулярным занятиям в школе.

В своей статье Дженсен утверждает, что все эти программы потерпели неудачу потому, что они исходили из тезиса о равных интеллектуальных возможностях всех детей. Компенсаторное обучение основывалось на гипотезе депривации, согласно которой “Отставание в учебе является в значительной степени результатом социальной, экономической

и образовательной депривации и дискриминации”.

Дженсен отвергает эту гипотезу. Объяснение школьной неуспеваемости детей из негритянских и других бедных семей, по его мнению, заключается в значительных различиях во врожденном интеллекте у белых и темнокожих. Ссылаясь на тот факт, что коэффициент интеллекта у белых детей из обеспеченных семей в среднем на 11 единиц превышает *IQ* негритянских детей, Дженсен приходит к выводу, что данное различие обусловлено генетическими причинами и коррекции не поддается.

В конце шестидесятых бытовало убеждение, что интеллект – столь же объективная и легко измеряемая характеристика человека, как вес или рост, и Дженсен полностью разделял это убеждение. Тесты *IQ*, считал он, позволяют довольно точно измерить различия в интеллекте между индивидами, расами и классами. 78 страниц своей статьи он посвятил доказательствам того, что интеллект на 80 % обусловлен наследственностью и лишь на 20 % – влиянием среды. Затем он приходит к выводу, что негры как раса в интеллектуальном отношении находятся на более низком уровне потому, что у них меньше “генов интеллекта”.

Дженсен различает два уровня интеллекта. Первый уровень – ассоциативный, связанный с простым запоминанием фактов. Второй уровень связан с когнитивным научением, со способностью решать проблемы. Это качественно более высокий уровень интеллекта, требующий большего количе-

ства соответствующих генов наряду с некоторыми “врожденными нервными структурами”. По утверждению Дженсена, белые дети из обеспеченных семей обладают как первым, так и вторым уровнем интеллекта, потому что они унаследовали нужное число генов интеллекта и соответствующие нервные структуры, тогда как негритянские дети и дети из малообеспеченных семей наследуют меньшее количество генов интеллекта и обладают неполноценными врожденными нервными структурами, в силу чего их интеллект ограничен лишь первым уровнем.

Компенсаторное обучение, как считает Дженсен, не в состоянии обеспечить развитие второго уровня интеллекта. И в указанной статье, и в своих публичных выступлениях Дженсен заявлял, что деньги, выделенные на организацию “Хэд Старт” и прочих подобных программ, расходуются впустую. Что действительно следовало бы сделать, так это, по мнению Дженсена, полностью реорганизовать систему образования как таковую, создав школы первого уровня для негритянских детей и детей бедняков, и школы второго уровня – для “полноценных”.

Выводы, до которых Дженсен доводит свою теорию, откровенно пахнут расизмом. Раз умственные способности обусловлены генетически, то есть передаются по наследству, то избыточное воспроизводство менее интеллектуальных рас и классов может засорить более интеллектуальные расу и класс. Необходимо, по его мнению, предупреждать

такие “способствующие вырождению” тенденции, и об этом должна позаботиться евгеника. Нужно, чтобы неполноценные люди находились под контролем или вообще элиминировались, тогда как полноценным и более интеллектуальным позволялось бы размножаться.

Статья Дженсена вызвала небывалый резонанс. Сам он с удовлетворением отмечал: “Массовая печать в Соединенных Штатах подхватила и распространила в своей интерпретации мою статью с такой беспрецедентной быстротой и рвением, какие редко выпадают на долю публикаций в академических журналах. Отклики в прессе появились так быстро, что я читал об этой статье в газетах по крайней мере за две недели до того, как в Калифорнию пришел журнал, где она была опубликована”. В поддержку Дженсена выступили многие психологи, генетики, социологи. Не довольствуясь публикацией статьи, журнал *Harvard Educational Review* в своем следующем выпуске весной 1969 г. пригласил выступить на его страницах всех желающих с критиков, что вылилось в опубликование шести хвалебных статей в поддержку Дженсена и одного-единственного по-настоящему критического письма. Дженсену была предоставлена возможность ответить на “критику” и он воспользовался ею, чтобы принять как должное восторги в свой адрес и пренебрежительно отметить контраргументы.

Профессор Р. Дж. Херрнстайн из Гарвардского университета высказался в поддержку идей Дженсена в большой

статье, напечатанной ежемесячным журналом *The Atlantic*, а в дальнейшем и в книге “*IQ* в Меритократии”. Английский психолог Г. Ю. Айзенк выпустил целую книгу, в которой полностью поддержал Дженсена. Критикуя догматических эгалитаристов, которые хотят навязать единую систему образования всем детям, он поставил вопрос о совместимости понятий равенство и свобода. Уильям Школи, лауреат Нобелевской премии по физике (он получил ее за изобретение транзистора), прочел серию лекций о достоинствах теории Дженсена, в которых призывал к стерилизации малообеспеченных негритянок.

Но до единодушия в этом вопросе было далеко. Выступление Дженсена, помимо ожесточенной социально-политической полемики, по большей части эмоциональной и слабо аргументированной, стимулировало и серьезные научные изыскания с целью подтвердить или опровергнуть его позицию. В ряде публикаций их авторам удалось доказать, что выводы Дженсена не всегда подтверждаются научными фактами, а зачастую и просто им противоречат. Суждение о пожизненной неизменности *IQ* было подвергнуто сомнению и довольно убедительно опровергнуто. Возникли и серьезные сомнения в валидности интеллектуальных тестов. В частности, было доказано, что использование тестов, стандартизированных на одной выборке, применительно к другой выборке – некорректно и чревато ошибками. Тот факт, что дети из весьма немногочисленных богатых негритянских семей

сильно превосходят в умственном развитии своих обездоленных чернокожих сверстников, позволил заключить, что факторы среды оказались Дженсеном недооценены, и его попытка распространить свои выводы на расу в целом – поспешна и неоправданна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.